

Воспоминания ксёндза Рышарда Чеслава Грабского Архангельская область, 1942 год.

Перевод с польского.

Печатается по изданию:

*О. Рышард Чеслав Грабежи,
Если бы не Божие провидение...
Воспоминания ссыльного.
1940-1955. Париж 1985.*

КОТЛАС

Когда поезд проезжает мимо столицы Республики Коми Сыктывкара и приближается к Котласу, кое-где пролетают воробьи и чайки. Мы приближаемся к миру живых.

Все вышли на станции входящего в состав Архангельской области города Котласа - достаточно крупного районного центра, расположенного на реке Северная Двина. На вокзале нас встретил капрал Антони Арчишук, одетый в польский военный мундир, с польским орлом на шапке. Как много надежды появилось в сердцах прибывших польских скитальцев при виде польского солдата, может понять только тот, кто был этому свидетелем. Будучи представителем армии генерала Сикорского, штаб которой находится на Волге в Бузулуке, он организовывал здесь транспортировку освобождённых из лагеря поляков.

От местных властей он получил в распоряжение большое здание (бывшая железнодорожная школа), в котором все поляки, прибывающие с разных сторон и лагерей, находили приют и тёплую пищу (...).

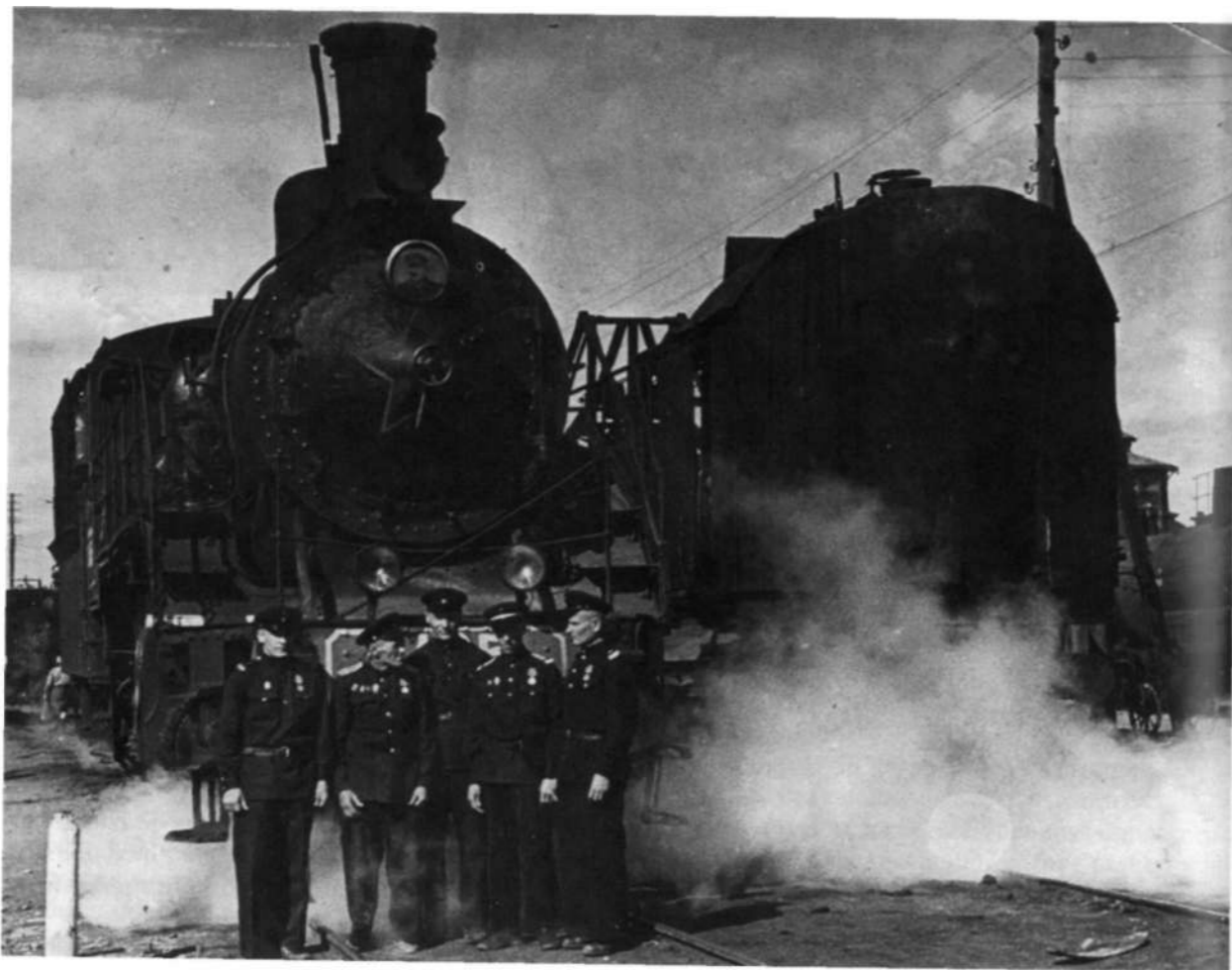
1 апреля 1942 г. наш поезд остановился в месте, являющимся целью нашего путешествия. Среди поляков плач. В Котласе я оказался в третий раз. В середине июня 1941 г. нас запертых везли из Белостока в Воркуту. 8 декабря 1941 г. я возвращался из лагеря в польскую армию и сегодня, 1 апреля 1942 г., еду, чтобы исполнить миссию капеллана для моих соотечественников.

В Котласе уже существовало гражданское польское представительство, основанное польским посольством, которой руководил Юзеф Михал. Оба центра - военный и гражданский были между собой в тесном контакте. Цель первого - проводить отбор здоровых и способных взяться за оружие мужчин и женщин а стариков и семьи с детьми отправить на работу. Этим последним гражданский центр должен был обеспечить на месте материальную помощь, которая для поляков в России щедро присылала Англия и Америка.

АРХАНГЕЛЬСК

С января 1942 г. Польское посольство организовало в Советском Союзе более 20 представительств (делигатур), которые должны были заняться вопросом помощи польским гражданам. Почти у каждого представительства был свой капеллан. Меня определили к представительству в Архангельске с обязанностью служения в представительствах в Кирове, Молотове, Горьком и Сыктывкаре, в которых не было ксёндза. Местом моего постоянного проживания был Котлас, куда я приехал с новым представительством. Архангельск, Вологда и районы давали работу 15,5 тысячам поляков, Киров и область - 6,5 тыс., Сыктывкар 3,2 тыс.

Едва сошёл лёд, я отправился по воде в Архангельск, находящийся в 800 км от Котласа (...). Недалеко от отеля находились здания, в которых располагалось польское представительство.

Котласский железнодорожный узел в военные годы. АОНБ.

Военный Архангельск. Рытё окопов у драматического театра. АСПИАО.

Меня приняли очень радушно. Из короткого разговора с сотрудниками представительства я узнал, что поляки ждут приезда капеллана, поэтому я решил с доверенным лицом отправиться в те места, где живёт наибольшее число поляков.

Архангельск город очень протяжённый вдоль обоих берегов Северной Двины. Улицы в центре мощёные или выложенные брёвнами, тротуары из досок (...). Спустя какое-то время мы добрались до дома, в котором жило несколько польских семей, вывезенных, главным образом, из Львова.

Прибытие ксёндза было для них большим событием. В определённый момент все, не занятые на работе, собрались в одном доме, чтобы исповедоваться и причаститься или принять крещение. Нужно пойти проведать больных. Полно работы, но усталости я не чувствовал, я знал, что я нужен, что никто меня здесь не заменит. Так продолжалось следующие 2 дня.

СОЛЬВЫЧЕГОДСК - ХАРИТОНОВО

Едва я вернулся из Архангельска, как уже получил множество просьб посетить польские семьи в окрестностях Котласа (...). Окрестности поросли сосновыми лесами, часто переходящими в берёзовые роши и беспорядочные заросли. Как утверждал проводник, по воде было 60 км, а далее узкоколейной железной дорогой вглубь леса по крайней мере 20 км. На небольших вагонах-платформах к реке привозили строительный лес, а оттуда отправляли далее. Вагоны возвращались пустыми, чтобы добраться к баракам, в которых жили поляки, мы удобно устроились как раз в одном из них.

Деревня ещё спала. Я поприветствовал домохозяев и объяснил, что утром проведу службу и окажу необходимую духовную помощь (...). Когда я проснулся, в избе уже толпились люди со всего посёлка. Я исповедовал всех. Разумеется, я привёз с собой в багаже целую часовню. Небольшое помещение превратилось в маленький костёл, такой, которого за всю историю никто не видел и точно не скоро увидит. Пелись польские песни, молились по-польски. Речь, с которой я к ним обратился, прерывалась громким плачем: «Матерь Божья не оставь нас, Матерь, утешь нас плачущих, веди, иначе мы пропадём!» Слова этой песни разрывали изболевшие души и измученные тела. После службы - крещение детей (В 1965 г. я находился в нашем монастыре в Люблине. В то время я получил письмо от одной женщины, которая просила меня выдать свидетельство о крещении, необходимое для венчания. По её словам, я крестил её в Харитонове. Её фамилия ничего мне не говорила, но когда во втором письме она упомянула, что её крёстным отцом был г-н Микке, а крёстной - его жена, я сразу же выслал свидетельство настоя-

телю на Западе, который требовал подтверждения её крещения). Известие о том, что я приехал в это отдалённое от человеческой жизни место быстро облетела всех жителей. Помимо католиков были семьи иудеев. Они тоже хотели поговорить со мной и пожаловаться на свои беды. Проводник отправил меня в одну еврейскую семью. Она состояла из 6 человек. Из разговора я узнал, что эта семья из Кракова. До войны отец семейства был владельцем фабрики популярной папиросной бумаги «Солали» («Solali»). Он бежал от немцев на восток, на границе вместе со всей семьёй и маленькими детьми был задержан и отправлен сюда. Жена с плачем показала мне 5-летнего ребёнка, покрытого язвами. Из-за нехватки витаминов - цинга. «Один ребёнок, - рассказывает она, - недавно у нас здесь умер» (...). Что с ними стало потом, мне сказать трудно.

После возвращения в Котлас я отправился в Сольвычегодск вместе с представителем Посольства г-ном Юзефом Михалом. Польское посольство очень старалось организовать приюты для польских детей, лишившихся родителей. Несколько польских сирот определили в русский детский дом в Сольвычегодске.

Мы плыли на корабле по течению Двины (...). На следующий день ок. 10 часов утра вместе с руководителем мы направились в детский дом. Когда мы вошли в зал, малыши в возрасте от 5 лет все встали из-за маленьких столиков, за которыми они ели, и на наше «здравствуйте» ответили по-русски «здравствуйте». На вопрос «Как живёте?» также хором ответили: «Хорошо». После воспитательница показала нам нескольких польских детей. Я приблизился к одному мальчику 3-4 лет и спросил по-польски: «Как тебя зовут?» Сначала, услышав польскую речь, он как будто задумался о том, что ему говорят, и ответил несмело: «Збышек». Поскольку в этом детском саду он был уже около 2 лет, польский язык остался только в воспоминаниях, как и другие дети он говорил по-русски. Пан Михал записал их фамилии, чтобы в будущем поместить детей вместе в польском детском саду.

Сестра Бернарда Мосаковска, которая была свидетелем внезапной ликвидации нашего представительства в Котласе, рассказывала мне что всех вывезли в Тесовую недалеко от Вычегодска и там открыли приют для польских детей. Временно сотрудники польского представительства были воспитательницами, а сестра Бернарда была медсестрой и врачом. Старшие дети учили школьные предметы на польском языке, их воспитывали в польском духе, согласно с религией, они читали молитвы, пели польские и религиозные песни. В приюте было собрано 150 детей.

Местным властям не понравилось такое польское обучение и воспитание. В марте 1943 г. у

Польский эскадренный миноносец «Гарланд» 1935 года постройки, участник конвоя PQ-16.

приюта в Тесовой остановились 24 саней. Приехал русский персонал, чтобы заменить персонал польский. Детей собрали, им раздали привезённые сладости, разные безделушки и спросили, чего они хотят ещё. Дети ответили: „Мы ничего не хотим, мы просим, чтобы с нами остались наши польские учителя и воспитатели“. Но это не помогло. Польские сотрудники по приказу должны были сразу же собрать вещи и на тех же санях, которые привезли русских воспитателей, отправиться в лес на работы. Дети при отъезде своих воспитателей подняли крик и плач (...).

БОГОСЛУЖЕНИЕ НА ГАРЛЕНДЕ - МАЙ 1942 Г.

Вторая поездка в Архангельск навсегда глубоко врезалась мне в память (...). Когда мы приехали, я пошёл в польское представительство, которое находилось недалеко от речной пристани. Как и в прошлый раз встретил меня капитан Груя - руководитель представительства. Он заказал номер в гостинице Интурист, в которой принимали иностранных гостей начиная от ранга капитана. Показав документы, которые были проверены тщательным образом, я получил прекрасную комнату на третьем этаже с видом на порт. Обеды можно было съесть в зале-ресторане на первом этаже. Когда подошло время обеда капитан Груя проводил меня в ресторан. Мы сели у столика, на котором лежало меню. Длинный список разнообразных блюд: всевозможные блюда из мяса, холодные и горячие закуски, изысканные кушанья. Есть всё, как

будто бы не было войны. В то время за окнами на противоположной стороне улицы стояли бесконечные очереди за куском чёрного хлеба (...). Гостей мало. Преимущественно слышен английский язык. Сидят морские офицеры и английские пилоты. Весело играет оркестр.

В определённый момент в ресторан входят новые гости - моряки. По знакам отличия было видно, что это старшие морские офицеры. У них польские орлы на бескозырках, а сами они говорят по-польски. „Поляки“, - произносит пан Груйя. Он встаёт из-за столика и подходит к ним. Через минуту показывает на меня и объясняет, что я ксёндз капеллан Грабски, который приехал в Архангельск. Мы сердечно обнялись, и первые слова, которые сказал капитан первого ранга Хенрик Эйбел были: «Как хорошо, что мы встретились с ксёндзом. Вы должны приехать на наш корабль Гарленд («Garland»)). На этом рейсе не было капеллана. На корабле у нас находятся раненые моряки».

Капитан первого ранга Эйбел и несколько других офицеров оживлённо беседовали со мной об их плавании из Англии в Архангельск. У военного корабля РП Гарленд, на котором они приплыли в Архангельск, к сожалению, был тяжёлый путь. Вооружённый Гарленд должен был охранять и защищать от атак немецких подводных лодок и самолётов корабля, везущие военное оборудование, предназначенное к разгрузке в Мурманске и Архангельске. Экипаж корабля (более 120 моряков) исполнял свои почётные обязанности солдат, сражающихся за Отече-

ство. Рейс, который они совершили в качестве конвоя ряда судов, был необычайно опасным, они понесли ощутимые людские потери. С момента выезда из Англии они весь день отражали бомбовые атаки немецкой авиации. Корабль, плывущий под польским флагом, был предметом особенно активных атак. Немецкий самолёт сбросил огромную бомбу рядом с бортом корабля, 24 моряка были убиты, 43 моряка и морских офицера ранены, то есть 1/3 экипажа эсминца не могла принимать участие в боевых действиях. На корабле не хватало экипажа для обратного пути в Англию. Несмотря на повреждения, корабль смог дойти до Мурманска, где был отремонтирован, а к экипажу «Гарленда» присоединился польский экипаж затопленного союзниками по ошибке польского подводного судна «Ястреб» («Jastrzab»). Погибшие на морях Дальнего Севера польские моряки отдали свою жизнь за Отчизну. Их тела были преданы морю, вечный им покой. Многих тяжело раненных оставили в госпитале в Мурманске, моряков с более лёгкими ранениями взяли с собой на корабль, некоторых из них по приезде в Архангельск определили в военный госпиталь. Таким образом, меня попросили, чтобы я навестил на корабле раненых моряков и исполнил обязанности капеллана. Судно Гарленд находилось в 30 км от Архангельска. Будучи военным кораблём с большой грузоместимостью, он должен был стоять на морской глубине. Архангельск расположен в дельте Северной Двины, недалеко от места её впадения в Белое море, и разделён рекой на 2 части.

На следующий день утром в Интурист пришло несколько офицеров английского морского флота, которые поддерживали связь между кораблём и своим штабом. Они с удовольствием предложили мне место в быстроходной лодке - глиссере. У меня с собой был чемодан, который мне прислал из Англии полевой епископ ксёндз

Я. Гавлина. Там было всё: риза, чаша и все необходимые для проведения службы предметы. Поездка на Гарленд длилась недолго. Дул ветер, поднимающиеся волны раз за разом ударяли о нос лодки и заливали её верх. От воды лодку предохраняли большие стёкла. Стоящий у берега высокий корабль было видно издалека. Лодка медленно подплыла к левому борту, к железному трапу, по которому нужно было подняться на борт.

Капитан Хенрик Эйбел, командир корабля, после возвращения из Архангельска на корабль сообщил экипажу, что приедет ксёндз капеллан Грабски (...). Здесь один из моряков быстро приготовил алтарь. Он открыл шкаф и перед взорами присутствующих предстала икона Ченстоховской Божией Матери. В это время один из офицеров показал мне место, где находились раненые моряки. Они исповедовались. Это была

единственная в своём роде исповедь, потому как после трагического опыта оборонительной борьбы на северных морях она явилась выражением веры и доверия Пресвятой Деве.

Началась служба. Помогали матросы, присутствовал весь офицерский состав вместе с экипажем. После Евангелия я обратился к собравшимся морякам. Слова капеллана были для них бальзамом, заживляющим раны, утешением плачущих по погибшим своим братьям и товарищам, отдавшим жизнь за свободу Отчизны. Это была минута, которая взволновала самые сдержанные, равнодушные сердца, она настраивала на самую большую жертвенность, давала надежду на победу. Во время службы мы пели польские песни (...). Многие из присутствующих причастились, раненых я причастил в там, где они лежали.

После службы мы запели «Мы не покинем землю»... Богослужение проведённое на Гарленде во имя погибших в боях на северных морях моряков, за раненых и больных, а также живых моряков, укрепило веру и ободрило сердца присутствующих. Командир корабля провёл меня в офицерскую столовую, где я пообедал вместе со всеми моряками. Моряки знали, что дальнейшее моё пребывание в России не обещает ничего хорошего. «Завтра мы отплываем в Англию, оставайтесь с нами». Предложение было очень соблазнительно, но ведь меня штаб вместе с военным представительством отправил из Бузулука на всё время вплоть до момента отъезда. В Котласе остался майор Зелински и целая группа офицеров, они ждут моего возвращения. Мой отъезд в Англию дал бы местным властям повод для притеснений нашего представительства. Нет! Я не могу уехать, я должен вернуться туда, куда меня определило военное командование, и Божие провидение того требует, несмотря на то, что меня ждёт дальше. В тот же день я вернулся с командиром корабля в Архангельск и навестил в военном госпитале раненых польских моряков. Я долго разговаривал с капитаном Тадеушем Каминьским, которому ампутировали ногу, со старшим матросом Болеславом Бомбой, с Хенриком Новаковским, с поручиком А. Анчиковским с «Ястреба». Они были мне очень благодарны за мой визит и утешены в их несчастье. Я попросился с ним, наверное, навсегда, потому что никого из них потом уже не встречал, и даже если они живы, у меня нет их адресов.